

Николай Добролюбов

**Народные русские сказки.
Южно-русские песни**

Николай Александрович Добролюбов

Народные русские сказки. Южно-русские песни

«...никто из представителей живых научных воззрений не думает возводить в идеал изящества и глубины мысли каждую из народных сказок или песен, так же, как никто не восхищается курными избами и лохмотьями простонародья. Но дело в том, чтобы иметь возможно полное и ясное, наглядное понятие об этих курных избах и лохмотьях, об этих пустых щах и гнилом хлебе. Без знания этого невозможно никакое усовершенствование в народном быте: мы наделаем бесполоквейшей чепухи, если вздумаем привить наши гастрономические привычки полуголодному бедняку, если станем для него хлопотать о некоторых утонченностях галантерейной жизни, необходимых для нас, но для него вовсе не нужных и не понятных...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Народные русские сказки.
Южно-русские песни**

*Народные русские сказки. Издал А.
Афанасьев. Выпуск III и IV. Москва.
1858.*

Южно-русские песни. Киев. 1857.

После тупых и спесивых, браминообразных творений, излагающих *тепленькие* теории обезличения человека и предопределенности всего в мире[1] – отрадно после них остановиться на труде, посвященном раскрытию внутренней, душевной жизни народа и исполненном добросовестно и с любовью, хотя и не без недостатков. К трудам подобного рода относим мы издание русских сказок г. Афанасьевым и киевское издание малороссийских песен, с нотами, – *з голосами*, как сказано на заглавном листке. Кто любит свой народ и не ограничивает его тесным кругом людей, получивших европейское образование, тот поймет радость, с какою приветствуем мы в литературе всякое порядочное явление, имеющее прямое отношение к народной жизни.

Нашей радости не разделят, конечно, высокоученые мужи, погруженные в глубокие соображения о предметах гораздо высшей важности. Эти господа с улыбкой пренебрежения смотрят на труды, подобные труду г. Афанасьева, потому что не видят в них строгой разборчивости, достойной высших представите-

лей наук и художеств. И как же иначе? Вся деятельность этих господ посвящена служению *общих* и *чистых* интересов отвлеченной науки и искусства. Для них важно все, что может составить звено в созданной ими системе, все, что составляет шаг вперед в науке, понимаемой так, как она создалась в головах их. Живые обыкновенные личности, как бы их ни было много и какое бы важное значение в жизни и в истории народа ни имели они, – не могут привлечь их высокого внимания; простая, действительная жизнь, без мудрствований и прикрас, с ее естественными потребностями и стремлениями, не удовлетворит их разборчивого вкуса. Им нужны идеалы в жизни и в истории, им важно только то, что составляет совершенство или приближается к нему в искусстве и в науке. Простые, обыкновенные явления уже не могут занимать их просвещенный ум, нежить их утонченный, облагороженный вкус. Они уже переросли тот период, когда человек отдается живым впечатлениям *низших* чувств; они теперь уже предались чистейшим наслаждениям, руководятся высшими интересами, живут миро-

выми идеями, и вследствие того брезгают нашей смиренной, обыденной действительностью. С этой точки зрения они восстают и против *полных* сборников произведений народной поэзии, находя в ней недостаток просвещенных понятий и эстетического вкуса. Они говорят: «Что за охота нам, образованным людям, слушать народную балалайку после величественного концерта в певческой капелле или смотреть на балаганную комедь после трагедий Шекспира?.. Так точно – что для нас могут значить русские народные сказки, когда мы воспитаны на Гомере, Данте, Байроне и т. д.? что можем найти в малорусских песнях мы, приучившие свое сердце биться сильнее при звуках Шиллера или Гейне? Да если из патриотизма и ограничиться только своим, так разве нет у нас Пушкина, Лермонтова? Разве все, что можно взять из народной поэзии, не усвоено уже *нашей, высшей* литературе Кольцовым? После этого какое же нам дело до этих грубых, необразованных, неизящных произведений, которыми потешается младенческая фантазия народа? И к чему в печатной литературе эти сборни-

ки, да еще изданные так внимательно, с соблюдением местного выговора, с вариантами, примечаниями и пр., как это делает, например, г. Афанасьев? Пусть бы пропадали эти песни и сказки или по крайней мере вечно оставались в том кругу, в котором родились они. Если же непременно хотят уж показывать нам образчики народной поэзии, то разве нельзя ограничиться выбором двух-трех сказок, десяти или пятнадцати песен да сотен двух пословиц, которые поизящнее да поумнее? А то – великое утешение для образованного человека, ищущего в литературе полезного и приятного препровождения времени, – велико для него утешение – вдруг встретить грубую, неумытую мужицкую речь, не только во всей ее простоте, но даже с соблюдением всех искажений, сделанных местным наречием! Это просто ужас! Это еще хуже, чем мужицкие повести, которыми литература потчевала нас лет пять тому назад... Еще можно бы было одобрить такое издание, в котором собраны были произведения, имеющие поэтическое достоинство, вроде, например, макферсонова Оссиана, или важные в отноше-

нии к мифологии, истории, филологии, вообще в научном смысле. Но собирать народные прибаутки, анекдоты, сказки о козе с орехами, о лисе и волке и т. п. – все это недостойно ученого и литератора, который должен дорожить интересами науки и искусства».

Изложенное нами мнение не изобретено нами: его держатся очень многие из служителей *чистой* науки. И мы даже готовы согласиться, что с эстетической точки зрения они совершенно правы: нельзя принудить себя с удовольствием есть корку черствого хлеба после того, как вкусно и сытно пообедал. До некоторой степени правы они и со стороны *чистой* науки, какую они сами создали. Их наука – теоретическая, имеющая целью наслаждение образованного ума. Это – гастрономическая наука, которая хлопочет единственно о том, чтобы усовершенствовать приготовление различных блюд изящного стола. Разумеется, для успехов этой науки нет надобности наблюдать, как печется хлеб из муки пополам с мякиной... Но едва ли заслуживает особенного уважения подобное гастрономическое направление в науке. Едва ли особен-

но высоко может быть поставлено достоинство человека, который презирает бедняка только на том основании, что тот не может так хорошо одеться и так изящно кушать, как он сам одевается и кушает. Едва ли может заслужить наше сочувствие тот, кто не хочет даже слышать о нищете, голоде и лохмотьях, чтобы не испортить своего деликатного пищеварения. В этом случае новая наука, признающая своим началом и концом живую действительность, поступает гораздо гуманнее прежней науки-гастрономки, которую так нередко еще превозносят у нас и доньше и которая витала обыкновенно в высших, отвлеченных сферах, созданных досужим воображением. Новая наука, равно как и новейшее искусство, не пренебрегает ничем, интересуется всяким живым фактом, обо всем рассуждает охотно, исключая, конечно, предметов призрачных, не имеющих реального значения, а выдуманных разными браминами, рыцарями, банкирами и другими фокусниками. Но и эти выдумки новая наука не совсем опускает из виду: она рассматривает их как факты, более или менее интересные в пато-

логическом отношении. Отчасти в этом же смысле интересны ей и самые нелепые фантазии младенчествующих народов, и однообразные мотивы их песен, и грубые их забавы и т. п.

Конечно, никто из представителей живых научных воззрений не думает возводить в идеал изящества и глубины мысли каждую из народных сказок или песен, так же, как никто не восхищается курными избами и лохмотьями простонародья. Но дело в том, чтобы иметь возможно полное и ясное, наглядное понятие об этих курных избах и лохмотьях, об этих пустых щах и гнилом хлебе. Без знания этого невозможно никакое усовершенствование в народном быте: мы наделаем бесполовой чепухи, если вздумаем привить наши гастрономические привычки полуголодному бедняку, если станем для него хлопотать о некоторых утонченностях галантерейной жизни, необходимых для нас, но для него вовсе не нужных и не понятных. Так точно обязаны мы знать внутреннюю жизнь народа, если хотим что-нибудь сделать для его просвещения и облагорожения. Наши эстети-

ческие наслаждения, мировые стремления и глубочайшие вопросы остаются своим чередом; но, в силу их именно, мы обязаны внимательно подумать о том, в каком круге могут быть они прилагаемы и требуемы и за какую чертою исчезает их фактическое значение. Тогда мы увидим, что значение их покамест еще не слишком-то всеобщее; придется убедиться, что те успехи цивилизации, те чудеса искусства, те умственные наслаждения, которыми мы так гордимся, ограничиваются лишь десятками тысяч, между тем как десятки миллионов других людей не имеют о них ни малейшего понятия. И если мы уже хотим, чтоб когда-нибудь распространились между ними наши понятия, то непременно следует начать с возможно полного знакомства с их понятиями, с их степенью развития. И тут уже ничем пренебрегать не следует: наука и литература захватывают себе всю область живой действительности, может быть, не более пространную, но зато более плотную, чем туманная область метафизических абстракций.

Могут заметить, что для полного знаком-

ства с жизнью народа не нужно иметь под руками все факты, а довольно выбрать из них более рельефные и характерные. Это правда; но разве и есть возможность собрать все факты? Сколько ни собирайте, все-таки это будет ничтожная частица в общей их массе. Поэтому нам кажется, что на излишество фактов и чрез сто лет нельзя будет пожаловаться у нас; а теперь, напротив, приходится постоянно сожалеть о недостатке фактов, с толком подмеченных и добросовестно обнародованных. И особенно это можно сказать о том отделе фактов, который имеет непосредственное отношение к умственной и нравственной жизни народа. В этом отношении у нас до сих пор нет еще ни одного удовлетворительного сборника. Зачем же возводить в принцип то, что необходимо является как недостаток по самой сущности дела?

Изданные ныне сборники, по поводу которых мы высказали эти мысли, также не вполне удовлетворили нас. Киевский сборник песен не отличается ни полнотой, ни новостью напечатанных в нем песен; он замечателен только как попытка (кажется, не первая,

впрочем) представить публике некоторые из народных мотивов положенными на ноты и приспособленными к правильному, ученому пению. Сборник г. Афанасьева превосходит другие по своей полноте и по точности, с какою старался издатель придерживаться народной речи, даже самого выговора. Но и сборник г. Афанасьева не восполняет того недостатка, который как-то неприятно поражает во всех наших сборниках. Недостаток этот — *совершенное отсутствие жизненного начала*. Если бы г. Афанасьев издавал гвоздеобразные надписи, то он, конечно, не мог бы поступить иначе, как поступил теперь, издавая народные русские сказки. Списал бы он гвоздеобразные надписи необыкновенно точно; сказал бы, кем и где каждая надпись найдена; указал бы разницу в чтениях там, где ученые разногласят, и этим он был бы вправе ограничиться. Но не столь удобно, кажется, ограничиться подобной работой при издании произведений, взятых прямо из уст народа. Сохранить в своей редакции белорусское *дзвяканье* и *цвяканье* да малорусское *эгэконье* и *гоканье*, отметить, что такая-то сказка запи-

сана в Чердынском уезде, а такая-то в Харьковской губернии, да прибавить кое-где варианты разных местностей, – этого еще очень недостаточно для того, чтобы дать нам понятие о том, какое значение имеют сказки в русском народе. Вырвать факт из живой действительности и поставить его на полочку рядом с пыльными фолиантами или классифицировать несколько отрывочных, случайных фактов на основании школьных логических делений – это значит уничтожить ту жизненность, которая заключается в самом факте, поставленном в связи с окружающей его действительностью. Г. Афанасьев не отклонился от обычной дороги наших собирателей, и потому нам представляется и его сборник как-ким-то палимпсестом, в котором хоть и видны некоторые черты действительной народной жизни, но разобрать их чрезвычайно трудно под новым написанием досужего книжника. Вы читаете у г. Афанасьева подлинные сказки русского народа, без прикрас и почти без пропусков, расположенные более или менее удачно, сообразно с их содержанием. Кажется, чего бы больше? Характер рус-

ских сказок сам тут скажется вам... Но выходит не то. Характер сказок-то, может быть, еще и определится несколько по сборнику г. Афанасьева, да ведь это дело неважное. Что нам сказки, особенно если это не образцовые произведения в художественном отношении? Нам сказки важны всего более как материалы для характеристики народа. А народа-то и не узнаешь из сказок, изданных г. Афанасьевым. Что из того, в самом деле, что в народе сохранились сказки о дружбе лисы с волком, о коварных происках лисы над петухом, об ее отношениях к человеку, и т. п.? Что из того, что в Новогрудском уезде ходит сказка о Покатигорошке, а в Новоторжском – о семи Семюнах и т. д.? Нам никто из собирателей и описывателей народного быта не объяснил, в каком отношении находится народ к рассказываемым им сказкам и преданиям. Верят ли, напр., в народе в ту разумность отношений между зверями, какая выказывается во многих сказках? Или же подобные сказки принимаются в народе таким же образом, как мы читаем поэмы Гомера? Думают ли сказочники и их слушатели о действительном суще-

ствовании чудного тридесятого царства, с его жемчужными дворцами, кисельными берегами и пр.? Считают ли действительностью войну царя гороха с грибами, могущество разного рода знахарей, колдунов, ведьм и пр., помощь доброго волшебника, защищающего невинность, и т. д.? Или же, напротив, все это у них не проходит в глубину сердца, не овладевает воображением и рассудком, а так себе, говорится для красы слова и пропускается мимо ушей, – вроде того, как мы пропускаем воззвания к музе и всяческим богам, слишком сильные, приближающиеся к бенедиктовским, метафоры и слишком идеальных чиновников на манер Надимова и Фролова?

[2] Подобные вопросы тысячами рождаются в голове при чтении народных сказок, и только живой ответ на них даст возможность принять народные сказания как одно из средств для определения той степени развития, на которой находится народ. Без сомнения, ответы должны быть весьма разнообразны для разных случаев и разных местностей. Здесь верят в одно и не верят в другое; тут рассуждают больше, там – меньше; в одном месте веро-

вание тусклее и холоднее, чем в другом; для одних уже превращается в забаву то, что для других служит предметом серьезного любопытства и даже уважения или страха. Собрать и указать подобные оттенки было бы необходимо для того, чтобы по преданиям народным могла обрисовываться пред нами живая физиономия народа, сохранившего эти предания. Поэтому нам кажется, что всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной поэзии, сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записываньем текста сказки или песни, а передал бы и всю *обстановку*, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку.

Мы не беремся делать каких-нибудь заключений о нравственном и умственном развитии народа на основании изданных ныне сказок. Не считаем удобным распространяться и о степени их художественного значения. Но кто просмотрит, хотя бегло, эти сказки, тот и в них может найти подтверждение по крайней мере тех общих идей, которые со време-

ни Белинского пущены в оборот относительно характера русского народного творчества. Пассивность человека, отвыкшего, вследствие внешних тяжелых обстоятельств, от самостоятельной деятельности, но все мечтающего о чрезвычайных подвигах силы и мужества, — довольно резко проявляется во всех сказках, имеющих довольно значительный объем и относящихся по содержанию к человеческому миру. В большей части остальных можно заметить мысль о преобладании лукавства и хитрости над грубою силой: очень естественное явление между людьми, которых ум в своем развитии постоянно встречает помеху со стороны грубой силы и вследствие того уклоняется от прямых путей и перерождается в хитрость и мошенничество.

Что касается до малороссийских песен, то о них столько было говорено в нашей литературе, что мы считаем лучшим уже не распространяться о них на этот раз. Заметим только, что многие из них по своей грустной прелести, по тонкости и нежности сердечных ощущений, в них выражаемых, а нередко по оригинальной смелости мысли производят силь-

ное впечатление и на великорусса. В образец последнего не можем не выписать здесь следующие стихов, случайно попавшихся нам на глаза, когда мы раскрыли книжку:

*Доле жь моя, доле! Чом ты не та-
кая,
Ой, чом не такая, як доля чужая?
Що люди не роблять, та в жупа-
нах ходять,
А я роблю, дбаю и свиты не маю;
Що люди гуляють, и роскошы ма-
ють,
А я роблю, дбаю, ничего не маю.*

Мы не помним в великорусских песнях ничего, где бы подобное сознание выразалось так ярко и положительно. Впрочем, и в малорусской песне эти слова принадлежат не помещику, а казаку.

Комментарии

Намек на диссертацию О. Ф. Миллера «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных». Рецензия Добролюбова на эту книгу должна была появиться в той же, IX книге «Современника», но была отложена в последний момент, очевидно в силу цензурных затруднений, до следующей, X книжки журнала.

[^^^]

Надимов – герой комедии В. А. Соллогуба «Чиновник»; *Фролов* — герой комедии Н. М. Львова «Предубеждение».

[^^^]